

Актуални проблеми на балканистиката и славистиката.
Доклади от втората международна конференция, проведена на 9 и 10 ноември 2012 г. във Великотърновския университет “Св. св. Кирил и Методий”, В. Търново, 2013, 291–300 (под печат)

К ЭТИМОЛОГИИ БОЛГ. КУКЕР

Живка Колева-Златева

On the etymology of Bulgarian *kuker*

Abstract: This study presents a hypothesis about the etymology of Bulgarian *kuker*, *kukeri* pl. denoting men wearing costumes with bells on the belts and masks of animals, taking part in a traditional Bulgarian ritual to scare away evil spirits. The ritual takes place around New Year and before Lent.

When constructing the hypothesis, the following data were taken into consideration: (1) the variety of denominations of mummers, connected with their expressiveness, (2) the varying form of the word *kukeri* / *kukiri* / *kukuri* and the absence of palatalisation, (3) the wide range of Slavic and Baltic words with the same or similar varying forms denoting bad and good spirits, convexities, curvatures, small round objects, rotational movements, squatting, kneeling down etc., (4) the possibility to see a reduplication in the word – kV-kVR, (5) a large number of formal and semantic parallels, i.e. words with the same meanings and sound forms, containing reduplicated clusters of sounds. All these data lead to a conclusion that Bulg. *kuker* could have sound symbolic origin.

Keywords: etymology, reduplication, sound symbolism

Болгарское слово *кукер*, мн. ч. *кукери*, как название ряженных на Масленицу, не привлекало внимание этимологов. Ни одна из созданных гипотез, однако, так и не стала общепринятой. Их общей особенностью является учет, прежде всего, экстралингвистических фактов, деталей самого обычая, и недоучет данных типологии и собственно языковых и когнитивных факторов.

О самом обычае известно, что имеет древние корни. Относится к весеннему циклу календарных праздников. Цель кукерских игр – при помощи экспрессивных масок и костюмов, шумных ритуальных игр и танцев совершить магические действия, чтобы прогнать злых духов, увеличить плодородие, а также создать веселое настроение (Колева 1977: 278–281; Жекова 2008).

Слово *кукер*, мн. ч. *кукери*, существует в одном ряду с такими диалектными названиями карнавальных фигур, как *кукири*, *кукури*, которые без колебания можно принять за фонетические варианты одного и того же слова, а также *кук*, мн. *кукове*, *кукли*, *арапи*, *джамали*, *джамалари*, *старци*, *бабурци*, *бабугери*, *станчинари*, *дервиши*, *сурати*, *маскари*, *пампури*, *чауши* и др. Большая часть названий имеет прозрачное происхождение, связанное с имитируемым персонажем (*арапи*, *дервиши*, *чауши*), с ряжением (*кукла*), с использованием масок (*сурати* < *сурат* ‘лицо, морда’, слово турецкого происхождения; *маскара*, занятое через тур. *mashara* ‘шутка, издевательство; шут; карна-

вальная маска' от араб. *mashara* (БЕР, III: 640)), с признаком 'старый' (*старци*, согласно (БЕР, I: 23) таков мотивирующий признак и для *бабурци*, *бабугери*) или с участием в конкретном ритуальном танце, игре (ср. с игрой *камила* 'верблюд' происхождение названий *джамали*, *джамалари* < араб. *ǧamal* 'верблюд', занятое через тур. диал. *camala* 'вид шумной игры молодежи после молотьбы' (БЕР, I: 354)). Как неясное в Болгарском этимологическом словаре указано диал. *памтурь* (БЕР, V: 35), а слово *станчинар* не попало в этимологические словари болгарского языка (Младенов 1941; БЕР). Как было отмечено и выше, невыясненным остается происхождение и слова *кукер*, а также *кук*, которое многие исследователи считают связанным с ним.

Прежде чем перейти к рассмотрению существующих гипотез о происхождении слова *кукер* и к изложению собственной гипотезы, отметим следующие бросающиеся на глаза его собственно языковые особенности. Во-первых, производит впечатление динамика названий ряженных, ставшая причиной их разнообразия. Ее можно объяснить предпосылками, связанными с выражаемой экспрессивностью и низкой устойчивостью¹. Во-вторых, бросается на глаза и формальная вариативность слова *кукер*, существующего в вариантах *кукер*, *кукир*, *кукур*, не связанных с закономерными звуковыми изменениями. Налицо также отсутствие палатализации веляря в формах *кукер* и *кукир*, что можно объяснить их поздним образованием, поздним заимствованием или иными причинами: экспрессивным характером или фонетической мотивированностью. Необходимо установить также, существует ли связь между данным варьирующим словом и словом *кук*, и каковы их словообразовательные отношения.

Часть исследователей предполагают фракийское происхождение для этимона болг. *кукер*, исходя из убежденности, что корни кукерских игр фракийские, несмотря на то, что конкретный фракийский источник остается неизвестным, а само маскирование, как отмечает М. Жекова, признано «мировым культурным феноменом» (Жекова 2008). Так, К. Влахов, исходя из особенностей маскировки кукеров, допускает образование слова от предполагаемого фракийского композитума со значением 'говяжий рог', образованного от предполагаемого наследника индоевропейского корня **g^wo(w)-* 'вол' и предполагаемого соответствия греческого слова *kéρας* 'рог' (Влахов 1977: 73) – гипотеза с высокой степенью гипотетичности. Со своей стороны, М. Николова, сравнивая слова *кукер* и *кук* с лик. *kuga/xuga* 'дед', хетт. *huhha* 'дед' и учитывая и мотивирующий признак названия *старци* мн., реконструирует для слова *кук* первоначальную внутреннюю форму "дед, прадед", отмечая следующее: "По-

¹ О необходимости учета динамики лексики и ее движущих сил в этимологии см. (Колева-Златева 2011: 46–50).

видимому, слово *старци* представляет собой славянский перевод слова *кук*, принадлежащего фракийскому языку, поскольку сам обычай фракийского происхождения” (Николова 1991: 43). И в этой гипотезе не указан конкретный фракийский источник исследованного названия. На субстратном, фракийском происхождении слова настаивает и Ст. Йорданов, хотя и отмечает, что делает это «с полным сознанием о спорном характере сделанных выводов», что представленные соображения «имели бы более высокую стоимость, если бы сохранился фракийский первообраз болгарского слова *кукер*». Автор приводит и многие близкозвучающие славянские лексемы, цитированные раньше в других исследованиях, с которыми допускает вторичное сближение, и в качестве вывода обобщает, что наличные данные «не позволяют сделать более категорических выводов», что «проблема как таковая остается» (Йорданов 1996: 39, 51, 55).

Чешский этимолог В. Полак считает болгарское слово *кукер* балканским словом, связывая его с гр. *κοκκαι*, *κοκκωναι* ‘прадеды’, алб. *kukuth*, *kokuth*, *kukudh* ‘привидение’ (Polák 1974), но не объясняет связь между значениями слов. Со словом *кукла*, как название игрушки, связывает болг. *кук* и *кукер* М. Арнаудов, считая основанием для этой связи ряжение и предполагая, что сначала от *кукла* было образовано слово *кук* как параллельное название персонажа мужского пола, или вследствие выпадения сонанта, а позже было образовано и слово *кукер* при помощи увеличительного суффикса *-ер*. Само слово *кукла* автор считает заимствованием новогреческого *κοκκλα* с тем же значением, в котором вслед за Г. Майером видит производное от слов, находящихся в связи с лат. *cucullus* ‘капюшон’ (Арнаудов 1972: 106–110).

Ряд авторов предполагает славянское (или балтославянское) происхождение для слова *кукер*, точнее для связанного с ним, по их мнению, слова *кук*, допуская для него родство с лит. *kaukas* ‘домашний дух, приносящий добро дому; домовый, черт; душа некрещеного ребенка; престарелый суеверный человек со спутанными волосами; карлик, гном (значения цитированы по LKŽ)’ (Младенов 1941: 260; Георгиев 1978; Мифы 1980, I: 628, II: 23; Добрев 1982: 39; ЭССЯ, XIII: 87), образование от наследника ие. **keu-k-*, **kou-k-* ‘кривой, выпуклый, вогнутый’ и первоначальную внутреннюю форму для *кук* “кривляющийся” (Младенов 1941: 260; БЕР, III: 82, 84). Вл. Георгиев считает, что слово *кукер* образовано от *кук* по аналогии со словом *вещер* ‘врач, волшебник’, в слове *кукир* видит редукцию или влияние со стороны слова *вампир*, а отсутствие палатализация веляра объясняет поздним образованием слова (Георгиев 1978: 335). В Болгарском этимологическом словаре высказана точка зрения, что от *кук*, наоборот, образовано слово *кукир* (ср. с *настир*), и в результате свержстарания от по-

следнего образовано *кукер* (БЕР, III: 89). Форма *кукур* согласно этому же словарю образована от *кук* при помощи суффикса *-ур* (по аналогии с *гайдурка* < *гайда*) (БЕР, III: 107). Словообразовательное значение суффиксов цитированные гипотезы не объясняют. Они не объясняют и взаимоотношения названий ряженных *кукер* и *кук* с многочисленными формально тождественными и близкозвучающими славянскими и балтийскими словами, несвязанными с кукерством.

Довольно широкий круг таких слов был взят во внимание Этимологическим словарем славянских языков (ЭССЯ). Словарь относит к этимологическому гнезду болгарских названий ряженных *кукер* и *кук* такие иронические названия человека, как: срхр. *куко* ‘человек маленького роста’, болг. *кúкура* ‘дурак’, русск. диал. *кука́ра* ‘прозвище неловкого человека’; названия чего-либо страшного, злых и добрых духов: словин. *кука* ‘злой дух’, русск. *кúка* ‘леший, живущий в бане’, блр. *кука* ‘нечто страшное, обитающее в темноте, чем пугают детей’, лит. *kaiūkas* ‘домашний дух, приносящий добро дому; домовый, черт; душа некрещеного ребенка; престарелый суеверный человек со спутанными волосами; карлик, гном (значения цитированы по LKŽ)’; мелких насекомых, червячков: словен. *кука* ‘кишечный червь’, русск. диал. *кука́* ‘жук-плавунец; головастик’; выпуклостей: лит. *kaiūkas* ‘шишка’, *kaiūkaras* ‘возвышенность, холм, вершина’, словен. *kúk* ‘холм, бугор’, болг. диал. **кукер* (исчезнувшее нарицательное) ‘бугор, каменистая вершина’, русск. диал. *кукоревáтый* ‘покрытый прыщами и наростами’; спины, плеч: русск. диал. *кúкор* ‘спина’, *кúкры* ‘плечи’, *кúкорки* ‘плечи’; корточек: русск. диал. *кúкорь* ‘корточки’, *на кукорках* ‘на корточках’; кривых предметов, в том числе крюков: болг. *кука* ‘крюк’, срхр. *кука* ‘крюк’, болг. диал. *кúкер* ‘вид люльки на большом деревянном крюке, подвешенном за перекладину’, срхр. диал. *кúкара* ‘специальный крюк, палка с крючком для сбора фруктов’; кудрей: срхр. *кукúрав* ‘кудрявый’, чеш., слвц. *kučera* ‘завиток волос, локон’, русск. *кúчеря* ‘курчавая прядь волос; локон, завиток’, укр. *кúчері* ‘кудри; хвостовые перья у селезня’, блр. *кúчары* ‘кудри’ и др.

ЭССЯ возводит праславянские этимоны данных слов (**kuka*, **kukъ*, **kukara*/**kukorъ*, **kučera*/**kučerъ*) к индоевропейским формам **keu-k*, **kou-k*, для которых реконструирует семантику ‘изгибать, искривлять; загнутое’. Словарь считает, что связывающее звено в смысловом развитии наследников **kukara*/**kukorъ* – значение ‘бугор, выпуклость’, откуда через ‘горб’ > ‘ряженный’ (поскольку горб – атрибут болгарских ряженных-кукеров) и смежное ‘дурак; бездельник’, также ‘горб’ > ‘спина; плечи;

сгорбленная поза (корточки)’, а развитие ‘бугор’ > ‘прыщ’ понятно само по себе (ЭССЯ, XIII: 86–87, 88–89, 94).

Можно привести и другие слова, близкие формально и семантически к цитированным выше. Ср. такие иронические названия человека, как: лит. *kaukara* ‘негодный человек, рвань’ (LKŽ), болг. диал. *ку́кара* ‘молодой человек крупного телосложения, но негодный для работы’, *ку́кер* ‘долговязый ленивый парень, который не берется за работу’, *ку́керица* ‘девушка, которая занимается нехорошими делами’, *кукер’ага* ‘парень, который занимается нехорошими делами, повеса’ (Горов 1962: 100, 101), русск. диал. *Кука́ра* прозвище неловкого человека (СРНГ, XVI: 31); названия кривых предметов, скручивания, как: срхр. *кукричаст* ‘(о дереве) кривое, недоразвитое’ (Карацѣћ: 324), русск. диал. *кукорéчиться* ‘скручиваться, коробиться’ (СРНГ, XVI: 43)); раздвижения в стороны (ног, перьев и др.): болг. диал. *кукэ́ра са* ‘стоять или ходить с расставленными ногами’ (цит. по (БЕР, III: 90)), *разкекэ́ра се* ‘расставить ноги; лечь на землю с расставленными руками и ногами’ (цит. по (БЕР, II: 318)), *чекоря се* ‘расставлять ноги’ (Геров, V: 538), *кокóря се* разг. ‘(о птице) расправлять крылья; (о человеке) дуться, важничать’ (цит. по [БЕР, II: 539]), чеш. *šešeřiti* ‘трепать (волосы), ерошить’, словц. *šešerit’* ‘то же’ (цит. по [ЭССЯ, IV: 32]), болг. диал. *подкуру́жва се* ‘(о корочке чего-нибудь, например, раны), которая набухает и скоро упадет’ (цит. по [БЕР, III: 109]); вращательных движений: русск. диал. *кукорéзгаться* ‘перевертываться через голову, кувыркаться’, *кукурéкаться* ‘кувыркаться’ (СРНГ, XVI: 43, 46); приседания на корточки, становления на колени: русск. диал. *кокорéжки* ‘корточки’, *сидеть на коку́ре* ‘сидеть на корточках, поджав ноги’ (СРНГ, XIV: 105), *ку́корочки* мн. ‘коленки; корточки’, *на ку́кара́чках* ‘на четвереньках’, *кукарéшки* ‘корточки’, *на ку́корках* ‘на карачках, на четвереньках’, *на ку́корках* (сидеть) ‘на согнутых коленях’, *куки́рки* ‘корточки’, *куку́рки* мн. ‘корточки’ (СРНГ, XVI: 31, 32, 34, 46); спины, плеч: *кука́ры*, *куку́ры* ‘заплечье, закорки’ (СРНГ, XVI: 32, 46); чего-либо страшного: болг. диал. *ку́кер* ‘пугало’ (цит. по (БЕР, III: 89)); маленьких шарообразных предметов, в том числе мелких животных: болг. диал. *кокорáда* ‘плод хвойного дерева’, *кукуруáда* ‘початок кукурузы; плод хвойного дерева; экскремент’, *кукурéжки* ‘экскременты овцы, козы, мыши и др.’, *кукуру́жка* ‘намотанная пряжа для тканья’, *кукурéшка* ‘улитка’, *кукарéшка* ‘то же’ (цит. по (БЕР, III: 106, 107, 109)), укр. *кукуру́да* ‘плод хвойного дерева’ (Гринченко, II: 322), русск. диал. *коку́рки* ‘сдобные пышки’, *коку́ра* ‘лепешка (обычно сдобная); ватрушка; кушанье из теста вроде круглого хлебца, пышки, колобка’ (СРНГ, XIV: 104), *кокóра*

‘ком (грязи, земли, снега и т.д.)’, *коко́рки* мн. ‘комья грязи, сухие или замерзшие куски, комки грязи’, *коку́рка* ‘ком грязи’ (СРНГ, XIV: 94, 97, 105) и др.

Общий просмотр цитированных слов дает основание сделать следующие предварительные выводы. Кроме названий ряженных, для которых выше уже была отмечена формальная вариативность (*кукер/кукир/кукур*), варьирующая форма характерна также и для русских названий корточек (*кукир-/кукур-/кукор-/кукар-/кокор-/кокур-*), комков грязи (*кокор-/кокур-*), болгарских иронических названий человека (*кукар-/кукур-*), расставления ног (*кукер-/кекер-/чекор-*), улитки (*кукар-/кукур-*) и др. Налицо также семантическая вариативность слов. Ее можно наблюдать, даже если ограничиться варьирующей формой *кукер-/кукир/кукур-*, характерной для болгарского названия ряженого, которая связывается также со значениями: ‘нехороший человек’, ‘пугало’, ‘бугор’, ‘кривой’, ‘корточки’, ‘шарообразный предмет’, ‘улитка’ и т.д. Формальная и семантическая вариативность цитированных слов, а также возможность усмотреть в их форме редупликацию, усеченную, по моделям kV-kV- и kV-kVR-, наводит на мысль о фонетической мотивированности. И поскольку речь идет о прямой связи между звуковой формой слов и их незвуковой семантикой, можно сделать предположение о звуко-символическом происхождении. Формально-семантический параллелизм с другими словами, подкрепил бы такую гипотезу. (Более подробно о критериях распознавания слов звуко-символического происхождения см. Колева-Златева 2008; 2011: 75–85.)

Такие формально-семантические параллели действительно можно привести. Ср., например, со следующими названиями ряжения и ряженных, в чьей форме тоже можно усмотреть редулицированные звуковые комплексы, как: болг. диал. *пам-пурь* ‘ряженный, который ходит по домам во время Масленицы’ (цит. по (БЕР, V: 35), где, как было указано и выше, этимология слова указана как неясная), русск. диал. *ху-хл-як* ‘ряженный (на Святках и под Новый год)’, русск. диал. *ху-хл-еник*, *ху-хольник* ‘ряженный’ (цит. по (Фасмер, IV: 287)). Ср. также с русск. диал. *ку-коль-ник* ‘ряженный’, *ку-коль-ничать* ‘ходить, ездить ряжеными во время святок’, *ку-кл-шина*, *ку-кл-уха* ‘очень тепло одетая, закутанная женщина’ (СРНГ, XVI: 43, 37), болг. диал. *ку-кл-а* ‘ряженный; обрядная маска (кукера); пугало для птиц’ (цит. по (БЕР, III: 90)). Возможно, что у этого слова значение ‘кукла (игрушка)’ развито от значения ‘ряженный’, для которого может быть доказано звуко-символическое происхождение. Развитая семантическая структура слова *кукла* в болгарском и русском языках противоречит гипотезе о его заимствовании из греческого (см. выше), которая воспринята многими этимологами. Данные рассуждения о славянском происхождении названия игрушки *кукла* и заимст-

вовании слова из болгарского языка в греческий и другие балканские языки имеют предварительный характер. Для того, чтобы убедительно обосновать такую гипотезу, необходимо анализировать обширный славянский и балканский языковой материал, а это может быть целью иного исследования.

Формально-семантические параллели слов, содержащих редуцированные звуковые комплексы, можно привести и к другим из цитированных выше названий. И это слова, среди которых тоже можно наблюдать формальную и семантическую вариативность. Ср. такие иронические названия человека, как укр. диал. *бѣм-бул* ‘дурак, увалень, олух’, *гѣр-гель* ‘человек с длинной шеей’, *гѣр-гуль* ‘неуклюжий человек с длинной шеей’ (цит. по (ЕСУМ, I: 166, 498)), русск. диал. *бу-бѣр-я* ‘располневшая, любящая поспать, неряшливая женщина’, *бѣ-бѣр-ега* ‘толстый неповоротливый человек’, *га-гѣр-а* ‘о высоком, плохо сложенном существе (о высокой, неуклюжей, плохо сложенной женщине; о лошади)’ (СРНГ, III: 233; VI: 87); названия кр ю к о в, к р и - в ы х п р е д м е т о в, к у д р е й, как болг. диал. *га-гѣль* ‘крюк’ (цит. по (БЕР, I: 222)), русск. диал. *го-гѣл-ечка* ‘загнутый конец трости’ (СРНГ, VI: 265), болг. диал. *гѣ-гѣр-ав* ‘кудрявый’ (цит. по (БЕР, I: 299)), срхр. *gr-gur-ov* ‘кудрявый’ (цит. по (Skok, I: 616)); названия в ы п у к л о с т е й, как: русск. диал. *гур-гѣл-я* ‘шишка, нарост на теле’ (СРНГ, VII: 238), укр. диал. *гур-гѣл-я*, *гур-гѣл-а*, *гор-гѣл-я* ‘бородавка’ (цит. по (Рудницкий, I: 890)), ‘шишка, опухоль’ (цит. по (ЕСУМ, I: 623)), болг. диал. *гар-гѣл-ка* ‘возвышенное место (из камней, земли) в поле, огороде, на лугу’ (Стойчев 1970: 163), *кѣ-кл-а* ‘возвышение’ (Геров, II: 428); названия чего-либо с т р а ш н о г о: болг. *бу-б-а* ‘пугало, которым пугают детей’ (Геров, I: 80), болг. диал. *бѣ-бур-ѣк* ‘злой дух, вампир’ (Стойчев 1965: 132), *бу-бур-ѣк* ‘злой дух’ (Вакарелска-Чобанска 2005: 45), русск. диал. *мур-мѣль* ‘в суеверных представлениях – черт’ (СРНГ, XVIII: 357); названия м а л е н ь к и х ш а р о о б - р а з н ы х п р е д м е т о в, как: укр. диал. *гур-гѣл-а*, *гор-гѣл-я* ‘нарост на дереве’ (цит. по (ЕСУМ, I: 623)), чеш. *bat-bul-e* ‘что-либо круглое’, словц. *bat-bol-ec* ‘то же’, укр. диал. *бом-буль-ка* ‘маленький шарообразный предмет’ (цит. по (Machek 1971: 44)), болг. диал. *пам-пѣрь* ‘нарост на дереве’ (цит. по (БЕР, V: 35)), укр. диал. *мар-мѣль* ‘нарост на дереве’ (цит. по (ЕСУМ, III: 399)), болг. диал. *га-гѣл-ка* ‘комочек неразмешанного теста’ (Стойчев 1970: 162), *кар-кал-ѣшка* ‘комочек из хлеба’ (цит. по (БЕР, II: 247)), русск. диал. *кѣ-коль-ки* ‘березовые почки’, *кѣ-кол-ка* ‘цветок клевера’ (СРНГ, XVI: 43, 41) и др.

Наблюдаемый формально-семантический параллелизм, состоящий в выражении одних и тех же значений формами с редупликацией, не может быть случайным. Он может быть объяснен иконичностью названий, прямой связью между их звуковой формой

и выражаемым «незвуковым» значением, что характерно для звукосимволических образований. Другого объяснения этот параллелизм не мог бы и получить. А что касается семантики звукосимволических слов с редупликацией, в русле когнитивной лингвистики доказано, что в ее формировании участвует семантическое развитие иконически изображаемых редупликацией образов: *м а л ы ш а* (т.к. редупликация характеризует его речь), *п о в т о р е н и я* (т.к. повторение звукового комплекса может имитировать повторение события) и *м н о ж е с т в е н н о с т и* (т.к. наличие больше чем одного звукового комплекса может имитировать идею множественности), и это развитие осуществляется по модели радиальной категории, чаще всего через когнитивную операцию инференции. Таким образом создаются другие значения: ‘малыш’ > ‘маленький шарообразный предмет (малыши маленькие, пухленькие)’ / ‘что-то милое’; ‘множественность’ > ‘распростертое (наличие многих объектов в пространстве ведет к распростертости)’ > ‘большое’ / ‘вызывающее поведение (ср. с распусканием перьев у птиц, чтобы пригрозить или привлечь внимание, которое метафорически можно связать с важничаньем, чванливым поведением человека, а также с представлением об угрозе)’ / ‘кривое (распростертость ведет к неоднородности, а неоднородность ассоциируется с кривым)’ (более подробно о семантике редуплицированных форм см. (Regier 1998: 887–889; Колева-Златева 2008: 246–254)).

Итак, на основании всего приведенного языкового материала можно сделать следующие выводы. С большой степенью вероятности можно утверждать, что болг. *кукер/кукир/кукур* ‘ряженный’ имеет экспрессивное звукосимволическое происхождение ввиду формальной и семантической вариативности слова, незакономерного формально-го развития (отсутствие палатализации веляров, если все-таки формы *кукер* и *кукир* не новые образования) и формально-семантического параллелизма с другими словами, в которых можно усмотреть редуплицированные звуковые комплексы. Таким образом, болгарские названия ряженных *кукер/кукир/кукур*, *кук*, *кукла* и *пампурь* друг для друга являются типологическими параллелями как экспрессивные звукосимволические образования с редупликацией. Значение ‘ряженный’ для этих слов может быть получено от семантического развития образа множественности через посредство образа распростертости, от которого может быть развит образ вызывающего поведения. С меньшей категоричностью можно очертить этимологические гнезда этих слов. Как звукосимволические, слова *кукер* и *кук* могли возникнуть независимо. По крайней мере нет основания выделять в болг. *кукер* суффикс с детерминативом *-р*. Возможно происхождение от одного и того же звукосимволического этимона болгарского названия ряженных ку-

кер/кукир/кукур и близкозвучающих балтийских и славянских названий, обозначающих кривые предметы, вращательные движения, выпуклости и человека (иронически). Но для формально тождественных названий ряженных и маленьких шарообразных предметов (ср. диал. *памтурь* ‘ряженный’ и *памтурь* ‘нарост на дереве’, *кукер*, *кукир*, *кукур* ‘ряженный’ и *кукур-ада* ‘початок кукурузы; плод хвойного дерева; экскремент’, *кукур-эжки* ‘экскременты овцы, козы, мыши и др.’, *кукур-ужка* ‘намотанная пряжа для тканья’; русск. диал. *куколь-ник* ‘ряженный’ и *куколь-ки* ‘березовые почки’, *кукол-ка* ‘цветок клевера’) такое утверждать нельзя, так как в их основе лежат звукосимволические образы с невзаимосвязанным генезисом, а именно: развитие от иконически изображаемых редупликацией образов множественности и малыша. А формальное совпадение таких звукосимволических слов можно объяснить ограниченными возможностями ономотопеи, которая оказывается мощным источником омонимии (более подробно об омонимии среди звукоизобразительных слов см. (Колева-Затева 2009)).

Сокращения названий языков

алб. – албанский	лик. – ликийский	срхр. – сербохорватский
араб. – арабский	лит. – литовский	тур. – турецкий
blr. – белорусский	русск. – русский	укр. – украинский
болг. – болгарский	слвц. – словацкий	хетт. – хеттский
гр. – греческий	словин. – словинский	чеш. – чешский

ЛИТЕРАТУРА

- Арнаудов 1972: М. Арнаудов. Студии върху българските обреди и легенди. Т. II. БЕР: Български етимологичен речник. София: Издателство на БАН, 1971–
- Вакарелска-Чобанска 2005: Д. Вакарелска-Чобанска. Речник на самоковския говор. София.
- Влахов 1977: К. Влахов. Значението на името кукери и неговата етническа принадлежност // Език и литература. 1977, №6, 73–74.
- Георгиев 1978: Вл. Георгиев. За произхода на думите *кук*, *кукер*, *кукир* // Български език, 28, 1978, кн. 4, 334–335.
- Геров: Н. Геров. Речник на българския език. Фототипно издание. Т. I–VI. Т. VI събрал, наредил и изтълкувал Т. Панчев. София. (1895–1908), 1975–1978.
- Горов 1962: Г. Горов. Странджанският говор. Българска диалектология. Проучвания и материали. I. София, 13–164.
- Гринченко: Б. Гринченко (Упор.). Словар української мови. Т. I–IV, Київ, 1907–1909.

- Добрев 1982: Ив. Добрев. Гротескната същност на българските народни кукерски игри // Български фолклор. 1982. Кн. 3, 39–44.
- ЕСУМ: Етимологічний словник української мови. У 7-ми т. Т. I–V. АН УРСР. Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні. Ред. кол. О. С. Мельничук (головний ред.) та ін. Т. I–V. Київ, 1982–2006.
- Жекова 2008: М. Жекова. Социални и духовни функции на кукерския костюм // LiterNet, 2008, № 11 (108) – http://liternet.bg/publish23/m_zhekova/socialni.htm, 09.02.2013.
- Йорданов 1996: Ст. Йорданов. По повод на две субстратни думи в българския език: *кукер* и *кукуди́ва* // Българистични прочвания. Търново, 1996, 39–58.
- Караџић 1898: Вук. Стеф. Караџић. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Треће (државно) издање, исправљено и умножено. Биоград, 1989.
- Колева 1977: Т. А. Колева. Болгары // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX – начало XX века. Весенние праздники. Москва, 1977, 274–295.
- Колева-Златева 2008: Ж. Колева-Златева Славянская лексика звуко-символического происхождения. Tractata Slavica Universitatis Debreceniensis. Vol. 1. Дебрецен, 2008.
- Колева-Златева 2009: Ж. Колева-Златева. О смешивании этимологических гнезд омонимичных звукоизобразительных слов // Slavica XXXVIII, 2009, Debrecen, 19 – 34.
- Колева-Златева 2011: Ж. Колева-Златева. Теоретични ракурси в етимологията. В. Търново, 2011.
- Мифы 1980: Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х томах. Москва, 1980.
- Младенов 1941: С. Младенов. Етимологически и правописен речник на българския език. София.
- Николова 1991: М. Николова. Още към етимологията на *кук*, *кукер* // Български език, XII, 1991. Кн. 1, 43–44.
- Рудницкий: Етимологічний словник української мови: У 2-х т. Укл. Я. Рудницкий. Вінніпег–Оттава, 1962–1982.
- СРНГ: Словарь русских народных говоров. Т. 1– (ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов), Ленинград, 1965–.
- Стойчев 1965: Т. Стойчев. Родопски речник // Българска диалектология. Проучвания и материали. II. София, 119–314.
- Стойчев 1970: Т. Стойчев. Родопски речник // Българска диалектология. Проучвания и материали. V, София, 152–221.

- ЭССЯ: Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд.
Под ред. О. Н. Трубачева. Москва, 1974—
- Fraenkel: E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch. 2 Bde., Carl Winter, Heidelberg/Göttingen, 1962–1965.
- LKŽ: Lietuvių kalbos žodynas. T. I–XX. Vilnius, 1941–2002, Online: <http://www.lkz.lt/dzl.php?1>, Accessed: 24.02.2013.
- Machek 1971: V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha.
- Polák 1974: V. Polák. Trois étymologies albanaises. Spécimen d'un Dictionnaire étymologique de la langue albanaise // Les études balkaniques tchécoslovaques V, 1974, 29—35.
- Regier 1998: T. Regier. Reduplication and the Arbitrariness of the Sign // Proceedings of the Twentieth Annual Conference of the Cognitive Science Society. Gernsbacher, M and Derry, S. (Eds.). Mahwah NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 887–892.
- Skok: P. Skok. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. I–IV. Zagreb, 1971–1974.